

Стоя над остатками своего первого обеда, Атлас багровыми глазами встретил взгляд своей создательницы Софии. Она приблизилась к нему, скользя по полу комнаты, ее пальцы ласкали его волосы жестом, который казался одновременно материнским и зловещим. Несмотря на первобытное желание восстать против нее, Атлас был связан с ней узами отца, связью, которая заставляла его подчиняться ее приказам. Когда София подошла ближе, ее губы нашли его, и он почувствовал холод ее языка, когда она пила пролитую им кровь. Хотя часть его отшатнулась от ее прикосновения с желанием разорвать и разорвать ее величественное тело на части, он почувствовал, что втягивается глубже в поцелуй, не в силах сопротивляться ее сверхъестественному очарованию. Ее голос мурлыкал ему в ухо, захватывающая мелодия, от которой у него по спине пробежала дрожь. – Ты стал чем-то гораздо большим, чем твоя смертная форма, мой дорогой Атлас, – прошептала она, сжимая его волосы и подставляя его шею своим клыкам. – Помни, ты всего лишь олененок в львином логове. Вы узнаете свое место. Медленными мучительными движениями клыки Софии из слоновой кости царапали его шею, оставляя после себя кровавые следы как напоминание о его подчинении. Когда другие члены ковена вышли из зала, она отпустила его и отдала свою первую команду. – Отдых. Когда солнце сядет, идите в главный зал — ваше обучение начнется. – Свободы не было ему в ту ночь. Впервые в этом новом существовании Атлас остался один и справился с тяжестью своих действий. Воспоминание о молодой женщине, которую он осушил, преследовало его, ее красота резко контрастировала с жестокостью его жажды. Но в этом мире крови и смерти он знал, что она не будет последней. Возможно, впервые он зарегистрировал то, что сделал – убил человека. Женщина, которую он осушил, была молода и имела красивое лицо, которому позавидовали бы дворяне. Слишком молода, чтобы ее существование могло закончиться – пустая трата потенциала. Пока мысли кружились в его голове, Атлас оказался перед выбором: принять тьму, которая теперь текла по его венам, или цепляться за остатки его человечности. Но в глубине души он знал, что есть только один путь вперед. Если бы он хотел вырваться из цепей, сковывающих его, ему нужно было бы принять вновь обретенную силу и стремиться к одному, прежде всего, к власти через кровь. Вампиры были существами, которые жили кровью и смертью. Перекресток судьбы перед ним, где он мог вести мирную жизнь и оставаться слабым или гоняться за истинной силой, даже если для этого ему придется подняться на гору на костях, не был реальным выбором. Его почерневшая душа погасила даже ту небольшую часть его, которая чувствовала ненависть и жалость к его решению. Атлас в своей новой вампирической форме готов сделать что угодно, убить кого угодно ради достижения своих амбиций. Если он хотел разорвать узы, удерживавшие его, как цепи, от его создателя, от Нагаша, от этого самого мира, ему нужно было посвятить себя стремлению к власти. Атласу нужно было подняться в рядах этого мира Вархаммер от одноразовой мафии до легендарного лорда или, возможно, даже за его пределами. С решимостью, затвердевшей в его неживом сердце, Атлас воспользовался своим величайшим преимуществом — чипом искусственного интеллекта, спрятанным в его разуме. В своей предыдущей жизни он читал бесчисленные истории о главных героях, использующих такие инструменты для преодоления невероятных препятствий, и теперь он сделает то же самое. Запустив чип ИИ, Атлас поставил задачу организовать свои воспоминания и информацию, гарантируя, что он сможет получить к ним доступ в любой момент. Хотя на это потребуется время, он знал, что необходимо скрыть размытые границы своего прошлого и настоящего. *Бип! **Задача создана. **Приблизительное время завершения — 93,7 часа* Прошло чуть меньше четырех дней, однако ему нужно было иметь доступ к этой информации. Унаследованные воспоминания были слишком размыты, и ему нужно было убедиться, что вампир не заметил в нем ничего плохого, иначе его новая не-жизнь будет значительно короче. Бродя по древним залам замка, Атлас в уме прокручивал фрагменты истории, которые он узнал из своего хобби. Ему нужно было собрать воедино пазл этого мира, понять эпоху, в ловушке которой он оказался. Воспоминания из его прошлой жизни столкнулись с фрагментарными знаниями, которыми он обладал сейчас, создавая дымку неопределенности. Он вспоминал обрывки истории, нашептывал секреты, погребенные в томах

запретных знаний, которые составляли его коллекцию романов в прошлой жизни. В его сознании вырисовывались Конечные Времена, катастрофическое событие, которое разрушило мир и рассеяло его обитателей по мирам смертных; если им повезет. Но где же он впишется в этот хаотичный гобелен? Какую роль он сыграл бы в этой великой саге? Его мысли обратились к Владу, легендарному повелителю вампиров, чье имя эхом отразилось в анналах истории, а теперь украсило его собственную. Смерть Влада стала краеугольным камнем вампирских преданий, историей эпических масштабов. Атлас вспомнил роковую конфронтацию в Альтдорфе, где Влад столкнулся с Вильгельмом ИИИ, Великим Теогонистом в завершении первой великой войны вампиров. На залитых кровью зубчатых стенах схлестнулись два титана, их силы сотрясали самые основы города. Атлас почти чувствовал отчаяние, витавшее в воздухе, пока Влад боролся за превосходство. И вот роковой момент — последний, отчаянный гамбит Великого Теогониста. На последнем вздохе он бросился на Влада, и оба упали со стен, чтобы встретить свою судьбу внизу. Пророческий образ запечатлелся в сознании Атласа: лорд-вампир, пронзенный деревянным колом, зажатый под тяжестью трупа святого человека. Это была сцена поэтической иронии, кульминация столетий раздоров и кровопролития. Предстоящее событие кончины Влада вырисовывалось в его мыслях, как свидетельство борьбы за власть, которая определяла этот мир. Но что было дальше? Атлас размышлял о последствиях смерти Влада и вакууме власти, оставшемся после него. Пять вампиров появились, чтобы заявить права на его наследие, каждый из которых боролся за господство над остатками его империи. Фриц, Ганс, Питер, Конрад и Маннфред фон Карштайн — их имена эхом отдавались в темных уголках разума Атласа, каждый из них был потенциальным соперником или союзником в его стремлении к власти. Приход Маннфреда к власти заинтриговал Атласа, рассказ о его путешествии в мертвые земли Неехары перекликался с его собственной жадой знаний и силы. Приобретение некромантических артефактов, запретных фолиантов темной магии — все инструменты в арсенале Маннфреда, когда он укреплял свою власть над Сильванией. Но среди хаоса Атлас увидел возможность. Поскольку Влад был еще жив, у него была возможность учиться у одного из величайших вампиров в истории. И поскольку на горизонте маячил призрак войны, он знал, что для выживания потребуется нечто большее, чем просто сила — оно потребует хитрости и амбиций. С каждым шагом Атлас приближался к своей судьбе, его жажда власти влекла его вперед, в самое сердце тьмы. Когда он смотрел в витраж, собравшиеся орды нежити служили мрачным напоминанием о мире, в котором он теперь обитал. Но среди теней Атлас увидел проблеск возможностей, шанс оставить свое наследие в этом неумолимом мире. Будь то бог или король смерти, Атлас был полон решимости подняться над хаосом и заявить о своей судьбе. Ибо в горниле ночи восстанет Атлас фон Карштайн. И ничто не могло помешать ему.